

София Селектор

Пятый элемент души

София Селектор

Пятый элемент души

«Алетейя»
2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Селектор С. Л.

Пятый элемент души / С. Л. Селектор — «Алетейя», 2025

ISBN 978-5-00165-959-4

В книгу Софии Селектор «Пятый элемент души» вошли избранные автором стихи, написанные в разные периоды жизни и в самых разных обстоятельствах. Объединяет страницы этой книги «пятый элемент», магически соединяющий все стихии Природы в единую Гармонию Поэзии – в магический кристалл, каждая грань которого – одна из стихий – отражает окружающий мир по-своему, расставляя свои акценты и придавая всему свой особенный колорит. Каждый раздел книги есть ракурс-отражение души автора (а может быть и читателя) в одной из граней этого магического кристалла.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00165-959-4

© Селектор С. Л., 2025
© Алетейя, 2025

Содержание

Предисловие 6
Пять ракурсов души 7
Магия Земли 8
Связующая нить 9
«Душа, зажмурившись…» 10
Полоса тени 11
«Пред тобою – на колени…» 13
«Дни мои…» 14
«Шитое золотом платье сорвано…» 15
«Осень, словно сигаретным пеплом…» 16
«Ну вот и все…» 17
«Вы не заметили? – Под снегом…» 18
«Все, что я имею…» 19
«Замкнулся круг, и все на свете…» 20
«Выходя из привычного круга…» 21
«Город на место поставил…» 22
«Плечо – в плечо…» 23
«Да-да, и в объятьях Ваших…» 24
«День нынешний принес…» 25
«Уж отзвенел апрель капелями…» 26
«Неужели это я?..» 27
Дела семейные 28
Дела семейные 29
«Еще будет тепло, еще вдоволь надежды и света…» 30
«Все стало до предела просто…» 31
«Я – в злой суматохе вокзала…» 32
«Я перестала вздрагивать при звуке твоего голоса…» 33
«Я двадцать лет назад закрыла эту дверь…» 34
«Так, должно быть, стареет душа…» 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

София Селектор
Пятый элемент души. Стихи разных лет

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© С. Л. Селектор, 2025
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2025

Предисловие

Имя Софии Селектор давно известно любителям современной поэзии. И вот – ее новый сборник стихов выходит из печати.

«Пятый элемент души» – название книге дано не случайно. Автор отсылает нас к античности, во времена которой предполагалось существование четырех главных элементов жизни – Земли, Воды, Огня и Воздуха, а над ними царствовал пятый элемент – Эфир. Он олицетворял Вселенскую Душу, неуловимую материю, связывающую все элементы в одно целое.

Стихи Софии в этой книге так и представлены пятью главами: Земля, Воздух, Вода, Огонь, Эфир.

Поэзия Софии Селектор наполнена лирикой, тонкими оттенками человеческих переживаний, философскими мыслями и, в то же время, где-то иронией и самоиронией.

Глава «Магия Земли» связывает нас с природой, с земным притяжением. Это – и дыхание земли во все времена года, и тонко написанные, как бы акварельные, пейзажи… И, наконец, связь всего живого – и доброго, и не очень, – с душой и бытием автора…

«Мысль – решётка. Клетка – жизнь…» – пишет автор, пытаясь разобраться с собой, с такой непростой жизнью…. «А ты войди – попробуй стать частицей сада.» – ищет поэт своё место в этом мире.

Аналогично построение и других разделов, посвящённых Воде, Воздуху, Огню и Эфиру. В каждом из них произведения объединены явным или опосредованным присутствием одной из стихий Природы: потоков воды (дождя, слёз, морских волн), или порывов ветра, или пламени (свечи, камина, а, может быть, и страсти). Приведу несколько цитат-образов из главы «Магия Воды»: «Искренности зыбкая дрожь…», «Росой прослезится земля…», «Море дышит сказкой…»

Интересно, что автор, хотя и разбил стихи на несколько разделов, но пребывает как бы одновременно во власти всех стихий сразу. Такова сущность человека и, тем более, – поэта.

Стихи Софии Селектор дают нам возможность не только получить удовольствие от чтения поэтических строк, но и в чём-то познать самих себя. Ведь все пять стихий, как известно, властвуют и над нами.

Только читать эти стихи нужно не залпом, а, как хорошее вино, – по глотку из небольшого бокала. Так вы почувствуете истинный вкус напитка.

Ирина Левинзон,
поэт, бард, член Союза писателей России

Пять ракурсов души

Стихии или **элементы** в античной и средневековой натурфилософии – это четыре первоначальных вещества (огонь, земля, воздух и вода) и так называемый «пятый элемент». В частности, в натурфилософии Аристотеля в качестве такого «пятого элемента» рассматривалась некая квинтэссенция (лат. quinta essentia) – эфир или начало движения.

Связь человека со стихиями существует вне зависимости от того, чувствуем мы ее или нет. Мы взаимодействуем со стихиями природы постоянно с самого рождения – ходим по земле, пьем воду, дышим воздухом, согреваемся теплом огня. И всё это происходит в присутствии «пятого элемента», магически объединяющего все стихии в единую гармонию Природы, в некий магический кристалл, каждая грань которого – одна из стихий – отражает окружающий мир по-своему, расставляя свои акценты и придавая ему свой особенный колорит.

Разделы этой книги – ракурсы-отражения души автора в различных гранях такого магического кристалла.

Магия Земли

Первая и основная стихия для нашего мира – стихия Земля. Земля – символ материального мира и всего, что окружает человека, это то, что в физическом понимании можно потрогать, это символ стабильности, прочности и плодородия. Это женская энергия, которая питает все вокруг: травы, цветы, деревья, животных и человека.

Графический символ стихии Земли – треугольник, направленный вниз – в глубины, и разделенный горизонтальной линией.

Связующая нить

Заглядываем Вечности в глаза,
прощаясь с детством у родительских могил,
и обращаем взоры к небесам,
навек теряя тех, кто нас любил…
У края бездны на семи ветрах,
глотая горький поминальный хлеб,
вдруг осознать
сквозь боль, и скорбь, и страх
себя как продолженье ИХ судеб.

Как здесь смешон наш юношеский пыл:
«Я не такой! – Я всё сумею сам!»,
когда в лучах бестрепетных светил
заглядываем Вечности в глаза…

В моей руке связующая нить…
Суметь бы детям Главное сказать.
Меня поймут когда-нибудь они,
заглядывая Вечности в глаза…

Вплетаю эту нить в судьбу поверх
побед, коллизий – всех земных страстей,
чтоб вглядываясь в следующий век,
мечтать о внуках,
вырастив детей.

«Душа, зажмурившись…»

Душа, зажмурившись,
твердит «нельзя»!
Рассудок кружево
плетет, скользя
от осознания
вины и вин —
до осязания:
вот крест,
вот клин.
От ощущения
бездонных снов —
до измерения
глубин и слов.

Нащупав донышко,
зажмурь глаза,
флажок на колышек —
и прочь! —
Нельзя!!

Полоса тени

«Возраст между 30 и 40, ближе к 40 – это полоса тени…..настоящее уже не является преддверием, предисловием, трамплином…»
Станислав Лем

Сто дорог и сто тысяч развилок.
А пылит под ногами одна.
Шаг за шагом, дыханье в затылок,
и арена в лохмотьях опилок,
и снежинкой из детских копилок
уж блестит в волосах седина.

Выбор сделан, маршрут перемерен
и назад, и вперед, и насквозь.
Так зачем я считаю потери,
средь весны задыхаясь от слез?

Выбор сделан, судьбою заверен,
и не так уж и плох результат.
Так зачем я считаю потери,
вдоль весны провожая закат?

Слишком поздно менять направленье.
Слишком рано бросать стремена.
Странный возраст полоскою тени
лёг на плечи, стёр полутона
и, как карты, смешал имена…

P.S.:

Престранный шанс —
игрой в рулетку
нас дразнит время перемен:
шагнуть без правил – через клетку —
упасть без сил? – иль встать с колен?
Кто знает?! Кто шепнет на ушко
в миг нужный нужное число?
Чей срок отмеряла кукушка?
Кому алмаз? – Кому стекло?

И даже сказочного камня —
советчика в помине нет —
на перекрестке щит рекламный
с огромной пачкой сигарет.

Пора. Вращаются колеса,
уже торопят время вспять —
давно решенные вопросы
опять, как в юности, решать:
кем быть? какие рвать затворы?
и по какому ветру плыть?
и где тот якорь, под которым
не рвется Ариадны нить?

И весь мой опыт старой шалью
повис, сомненья теребя:
ведь там, в шестнадцать, мы решали
лишь за себя…

«Пред тобою – на колени…»

Пред тобою – на колени,
миг, прожитый пополам.
Не пристегнутый, как пленник,
к обстоятельствам – долгам.

Миг – взахлеб,
насквозь
и настежь.
В наготе, как взгляд, открыт.
Миг еще не скован страстью,
только нежностью увит.

Миг – безумство сновиденья.
Мысль – решетка. Клетка – жизнь.
Получай – вплетай мгновенье
васильком во поле ржи.

«Дни мои…»

Дни мои,
торопясь, толкаясь, карабкаясь,
обгоняя друг друга (или самих себя),
и все-таки безнадежно куда-то опаздывая,
спотыкаясь и замирая на полуслове,
мечутся
на пятачке настоящего,
как бильярдные шары,
гонимые навязчиво неумелым кием,
который не может,
не хочет,
не же-ла-ет
выталкивать их
ни в будущее,
ни в прошлое.

А в эту ночь —
в твои ладони
я устало падаю,
Как в гамак долгожданной лузы.
Ты только, пожалуйста,
не торопись вытряхивать меня обратно
на этот гладкий зеленый стол.

«Шитое золотом платье сорвано…»

Шитое золотом платье сорвано,
сброшено наземь.
Так возмужавший октябрь
властно вступает в права.
И, подчиняясь объятьям
юного пылкого князя,
ветви трепещут,
и кошкой
трется о ноги трава.

«Осень, словно сигаретным пеплом…»

Осень, словно сигаретным пеплом,
Первым снегом – серым, злым, колючим
посыпает боль.
И с тем же ветром —
рваный лист – навязчивый попутчик.

Где-то там, в полузабытой сказке,
первый снег – как символ чистой цели,
первым снегом радужные краски
под ноги волшебница расстелит.

Дотянуть до первого мороза.
Добежать до солнечного утра
сквозь листвы продрогшие заносы,
сквозь щемящий шелест неуюта.

С первым снегом – с первою любовью,
с первым снегом – с жесткою постелью
заблудились над моей судьбою
всадники из детской карусели.

«Ну вот и все…»

Ну вот и все —
и выпал снег,
и лег как будто навсегда.
Как будто бы в ближайший век
тепла не будет, господа.
Он лег, как будто бы вчера
здесь не кружился листопад,
свои цветные веера
даря впопад и невпопад,
зеленой не было травы
и рыжих лиственниц-лисиц,
и звонкой неба синевы —
все краски разом пали ниц.

Как будто бы перемешав
в одной палитре всех и вся,
шагает время, не спеша,
нам белый цвет,
как дар неся.

«Вы не заметили? – Под снегом…»

Вы не заметили? – Под снегом
в лесу зазимовала осень.
Из-под лохмотьев листьев пегих
сухой травы седые космы
глядят старушечьим укором
в лазурно-синюю беспечность.
А под ногой ворчливый шорох
твердит, что время скоротечно.

«Все, что я имею…»

Все, что я имею —
это память.
Всем глубинам мера —
только память.
Болью отреченья —
крест мой – память.
Радостным волненьем —
свет мой – память.
Миг взахлеб отмерян.
Мигу падать
и с крутых качелей —
прямо в память.
Задохнусь на взлете —
миг в ладони.
Ах, не сбейся в счете!
Ах, запомни!
Чтоб потом по капле
и кругами.
Ибо не иссякнет
только память.

«Замкнулся круг, и все на свете…»

Замкнулся круг, и все на свете
теряет свой привычный смысл.
И вот уже в гербарий метит
полузасушенный букетик
побед, к которым так рвались.
Побед, к которым так стремились,
к которым путь был так далек.

Но все сдано судьбе на милость.
Сдано.
И время превратило
на них потраченные силы
в почти досадный якорек.

Замкнулся круг.
Гуляет ветер
по опустевшей кладовой.
Встречает новые рассветы
и ищет новые ответы
и новых ценностей приметы
за робкой новою строкой.

«Выходя из привычного круга…»

Выходя из привычного круга,
я как будто снимаю одежду,
я как будто из теплой постели —
босиком на холодном полу.
И от холода или испуга
обстоятельств и доводов между
я дрожу, как осенняя ветка,
что, теряя последние листья,
вдруг к оконному жмется стеклу.

Да, я знаю,
конечно же, знаю,
что зима мне готовит наряды.
Да, я помню,
конечно же, помню,
что мне иней плетет кружева.

Да, я знаю,
я помню,
я рада.
Мне всего лишь раздеться и надо
и укутаться в эти слова.

«Город на место поставил…»

Город на место поставил
мой разгулявшийся стих.
В рамках обыденных правил
он виновато затих.

Где-то в другом измереньи,
может, в созвездьи другом
пел он, горя вдохновеньем,
прямо под летним дождем.

Там, где смешались порядки,
вечные нормы сломив,
пел он почти в лихорадке
свой самый светлый порыв.

В мире разбрызганных красок,
вольный сплетая букет,
пел без ужимок и масок
свой самый светлый сонет.

Золушке росчерк оставив —
искренность строчек живых,
в рамках обыденных правил
пойманной птицей затих.

«Плечо – в плечо…»
(место действия: метро)

Плечо – в плечо,
спина – к спине,
затылки,
локти,
рты.
И в монотонной новизне
размытые черты.

Здесь в колыбели тел живых
в подушках спин и рук
качает век детей своих
под мерный перестук.

Мы все на миг почти друзья:
мы на путях одних.
Лишь головы склонить нельзя
на близость плеч чужих.

«Да-да, и в объятьях Ваших…»

Да-да, и в объятьях Ваших
я тоже ищу тепло.
Да, вовремя свет погашен —
мне было бы тяжело.
Мне было бы просто больно,
мне было б…
Нет! к черту все!
Я тихо глаза закрою
и в Ваше уткнусь плечо.

Не бойтесь
и не надейтесь:
я, в общем-то, ненадолго.
Я только чуть-чуть согреюсь,
глаза подсушу – и только.

«День нынешний принес…»

День нынешний принес
лишь разочарованье,
лишь обнаженность всех
до рези четких форм.
День нынешний принес
всеведенье всезнанья
и траурный венок
к ногам моральных норм.

А я хочу туда, в голубизну надежды,
в невылупленность той,
несбывшейся весны.

А я хочу туда, где зимние одежды
разливом вешних вод еще не сметены.

А я хочу туда, в предутреннюю пору.
А я хочу не знать,
какой придёт рассвет.
А я хочу к тебе в ночные разговоры,
в мерцанье сигарет
на грани «да» и «нет».

«Уж отзвенел апрель капелями…»

Уж отзвенел апрель капелями,
и майский гомон отзвучал —
и жизнь походкою размеренной
взошла на новый пьедестал.

От солнц июльских занавешена
неплотной шторкою лесной,
как ждущая ребенка женщина,
земля полна самой собой.

Лужаек мягкими улыбками
свет ровный бережно неся,
перед распахнутой калиткою
она встречает всех и вся.

Я не приду сюда с обидами.
Я не пожалуюсь в беде.
Я лишь украдкой позавидую
ее спокойной красоте.

«Неужели это я?..»

Неужели это я? —
муж, дом, дочь,
в круговерти бытия
день – ночь…
От пелёнок до котлет —
Путь? – Круг?
Недописанный сонет
под стук
погремушки, под «Агу-гу!»
от заплаканной подушки бегу…

Слово главное одно: Мать.
И желание одно: Спать!

И счастливых слёз короткий глоток:
Улыбается беззубый роток!

Три минуты тишины:
дом, семья.
В роли матери-жены
Кто? – Я?!..

Дела семейные
1

В который раз
чашу своей усталости
я с порога опрокидываю на тебя.

Вошла,
опрокинула —
и стою,
бессильно и растерянно опустив
и руки, и голову,
вместе с этой усталостью
расплескав и чувства, и мысли, и желания,
и даже слезы.

Хотя нет – слезы еще остались,
тихо и вкрадчиво
подобрались они к уголкам глаз,
повисли на ресницах,
и вот уже катятся —
катятся —
катятся по лицу,
с каким-то тайным облегчением
срываясь на подставленное тобой плечо.

Только бы тебе снова хватило сил
собрать и высушить всю эту распутицу.
А меня —
пожалеть и утешить,
как маленькую девочку,
которая случайно разбила
твою любимую чашку.

– Прости, я больше не буду.
– Будешь, будешь!
– Прости…

Дела семейные
2

Волной о камни, рыбою об лед —
с размаху, с лету, искрами в ночи —
я вновь стучусь в молчание твоё:
Ну, где же ты?
Откликнись! Не молчи!
Ну, где же ты?! Откликнись!
Не успел…
Я тороплюсь – а ты у нас молчун.
А я уже взметнулась в «запредел» —
и со ступенек с грохотом лечу.
А я уже сметаю всё подряд
в потоке слёз и в ворохе обид.
Упреков град,
и злых намеков яд,
и ты во всём на свете виноват,
так жить нельзя, и нет пути назад,
и понапрасну красный свет горит…

И так нельзя,
и нет пути назад…

Но есть слова:
– Ну, что ты? – Дети спят.
Ты отдохнешь – и все пойдет на лад.

Поплачь и перестань.
Вон чай кипит.

«Еще будет тепло, еще вдоволь надежды и света…»

Еще будет тепло, еще вдоволь надежды и света,
а холодные ночи вздыхают: – «кончается лето».
Еще так зелена шевелюра у дуба-атлета,
а седеющий тополь бормочет: – «кончается лето».

И под звонким, под сочным, лоснящимся
натиском цвета
затрещали прилавки базаров: – «кончается лето».

Чемоданы, тетрадки, портфели, вопросы – ответы.
Колокольчик настойчивой трелью:
– «кончается лето».

Запах яблок, варенье в тазах, снова пенки к обеду,
и картошка в мешках – вот уж точно —
кончается лето.

И в руках у тебя не ромашки беспечных поэтов —
грациозные астры отныне сплетают букеты,
запоздало кивая: «Вы правы, кончается лето».

И лихие верлибры устало уступят сонетам
величаво-печальным.
Вот так и кончается лето.

И усмешка всезнанья
вплетается грустью в сюжеты,
беспросветно банальной,
ведь просто кончается лето.

«Все стало до предела просто…»

Все стало до предела просто:
не до оттенков —
жизнь и смерть.
Об этот черно-белый остров
разбился камень философский.
В осколках – тысяча вопросов.
Хоть на один,
посмей – ответь!

Весна разбрызгивает краски —
Волной – взахлеб и через край!
Но равнодушно безучастна
ее смеющаяся маска
и ежегодный звонкий май.

А мой маршрут
в морях безвестных,
где мель страшнее глубины,
где ночь встает скалой отвесной,
где в небесах сомненьям тесно:
что было б вредно?
что полезно?
в чем есть вина?
в чем нет вины?…

«Я – в злой суматохе вокзала…»

Я – в злой суматохе вокзала.
Ты – где-то в потоке машин.
Должно быть, я просто устала.
Я знаю, ты очень спешил.

Конечно же, все объяснимо,
и слезы мои – о пустом.
А взгляды,
не встретившись, —
мимо.
И каждый уже о своем.

А в острые локти вокзала
мир всю свою злобу вложил.

Должно быть, я просто устала.
Я ж знаю, ты очень спешил.

«Я перестала вздрагивать при звуке твоего голоса…»

Я перестала вздрагивать при звуке твоего голоса,
я перестала выискивать поводы,
чтобы позвонить или написать тебе,
да и писать, и звонить тебе почти перестала…
я перестала вслушиваться всем телом
в просторы твоего космоса —
я успокоилась и, наконец, осознала,
что какая-то часть его уже навсегда со мной…
и теперь мне стало очень комфортно от того,
что ты иногда пишешь или звонишь «просто так» —
расспросить «как дела?»,
поболтать о детях и о погоде, или о новинках кино…,
а ещё мне очень-очень нравится знать,
что и я в любую минуту! могу позвонить или написать тебе
«просто так»…
когда-нибудь…

и, может быть, именно поэтому
я и писать, и звонить тебе почти перестала…

Ты просто будь! …

«Я двадцать лет назад закрыла эту дверь…»

Я двадцать лет назад закрыла эту дверь,
завесила плющом и выбросила ключ.
И дописав строфу, внесла в архив потерь —
чтоб изредка вздохнуть, подравнивая плющ…

Под долгим грузом лет подгнил косяк дверной,
забыв, к чему тут плющ, я выглянула в сад —
и в мой притихший мир ворвался голос твой
беспечно и легко, как много лет назад…

на беззаботный миг – (на тысячную мига!) —
струна отозвалась в забытой глубине,
и сердца мяч в груди предательски подпрыгнул,
и шарик голубой привиделся во сне…

а наяву ловлю встревоженные взгляды,
с улыбкой в никуда вздыхаю невпопад,
а наяву твержу (себе и тем, кто рядом):
«что было, то прошло уж двадцать лет назад…»

… что? – шарик? —
мы его подвесим у окна
на ниточках судеб,
вплетённых в эту быль,
чтоб ярче стала с ним небес голубизна,
чтоб изредка вздохнуть,
с него стирая пыль…

«Так, должно быть, стареет душа…»

Так, должно быть, стареет душа,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.